

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

В судьбе народной артистки и лауреата Государственной премии СССР Зинаиды Кириенко любители бульварного чтива не найдут ничего любопытного: хорошо училась у самого Герасимова, много бывала за границей, но никогда не собиралась менять свою страну на другую. Нет ни вереницы мужей, ни именитых любовников — знакомые, и те над ней подшучивают: "Скучная у тебя, Зина, жизнь, посплетничать не о чем". Но роли! Наталья в "Тихом доне", Анета в "Сороке-воровке", Ефросинья в дилогии "Любовь земная" и "Судьба", Ирина в "Судьбе человека", Марьяна в "Казаках"... Накануне солидного юбилея актрисы мы пришли к выводу, что самое время поговорить о красоте и поклонниках. Кириенко — ас в отношениях с мужчинами, потому что общий язык приходится находить с супругом Валерием, двумя сыновьями Максимом и Тимуром и тремя внуками: Алексеем, Антоном и Кириллом. Но помимо семьи красивую актрису всегда окружало плотное кольцо воздыхателей...

"Любовь земная".

ЗИНА ХОНГ, РОЗА

Зинаида КИРИЕНКО:
"Главное — не исчезнуть вдруг..."

О, мадам Шостакович!

— Зинаида Михайловна, вы красивая женщина. Вам по жизни это помогает?
— С одной стороны, мне нравилось и нравится, когда мне говорят комплименты. Актрисе это действительно очень помогает. Да и зрителю приятно смотреть на красивые и содержательные лица на экране. Мешало в другом: я часто нравилась не тому, кому надо.
— Какое проявление зрительской любви запомнилось особенно?
— В 1958 году мы отправились во Вьетнам: Максим Штраух — представлять картину о Ленине, а я — первую серию "Тихого Дона". Ехали мы через Китай, а отношения между странами уже были не очень. Предвзятые отношения чувствовались во всем. Мы как раз попали в тот период, когда китайцы только уничтожили всех воробьев и принялись за мух. Уже в самолете было очень смешно наблюдать за стюардессой, которая долго носилась за одной-единственной мухой. Но главное потрясение меня ждало уже в аэропорту Вьетнама. Выйдя на трап, я посмотрела вниз и увидела тысячи совершенно одинаковых лиц — все поле было ими заполнено! Накануне поездки в ГУМе купила туфли на платформе, замшевые коричневые, на огромном модном каблучке. А народ-то во Вьетнаме маленький, и я чувствовала себя великаншей — мне все тамшние девочки чуть ли не по локоть были. Поместили нас в шкворный особняк, мне выделили большую комнату и кровать с пологом из мелкой сеточки. Утро. Просыпаюсь от того, что в комнате происходит какое-то движение. Открываю глаза и вижу рядом с кроватью целую компанию людей с переводчиком. Он говорит, что пришедшие девушки очень хотят повести меня в магазин, чтобы выбрать ткань для национального костюма. В универсаме я выбрала ярко-малиновую материю на платье и белый шелк на штаны. Портной расположился в очень бедной мазанке — по-другому не назывался. Мои параметры его потрясли до глубины души: помимо роста у меня ведь было все, что вообще женщине положено. Он начал снимать мерки, а с улицы бесцеремонно, с детской непосредственностью заглядывали люди и интересовались: сколько же все-таки сантиметров?.. Было очень смешно и забавно смотреть, как после его ответов округляются их глаза. Через пару часов мой национальный вьетнамский костюм был готов, и мы отправились на прием в летнюю резиденцию Хо Ши Мина. Главе Вьетнама я очень понравилась, и он меня называл Зина Хонг, что означает — Зина Роза. Это очень сильный вьетнамский комплимент. С того момента нас так и стали называть — Максим Штраух и Зина Хонг.

Ровно через двадцать пять лет я во второй раз приехала во Вьетнам с Жанной Прохоренко и Володей Нахабцевым. В аэропорту нас никто не встретил. В конце концов все прилетевшие уже ушли, а мы все сидим и ждем. Невольно вспомнился первый приезд... Прибежала девушка-вьетнамка, извинилась за опоздание, и я рассказала ей о том, как нас здесь встречали в 1958 году. Она смутилась. Кстати, на улицах меня продолжали узнавать, и я часто слышала за спиной знакомое "Зина Хонг".
— Читала, что в Центральной Америке вы произвели такой фурор, что мексиканцев называли "военнопленными актрисы Кириенко"...
— На фестивале в 1959 году в Акапулько я и Бондарчук представляли наш фильм "Судьба человека". СССР тогда даже в плане киногероев был абсолютно закрыт для остального мира. Естественно, там никто не знал актрису Кириенко. Внимание к нам было очень похоже на любопытство: какие они, советские люди?.. Там была одна уже в возрасте такая тетячка, Кармен, — мы с ней вместе ходили на пляж, да и вообще сдружились. Она меня научила свободно изъяс-

няться и помогла написать для премьеры обращение к зрителям. Конечно, запомнить и произнести пусть даже собственный текст на абсолютно чужом языке мне было сложно, поэтому мы подлая просидели на пляже: Кармен диктовала, а я записывала мексиканские слова русскими буквами. И так, вечер. После показа фильма в зале несколько минут царил полная тишина. Мы даже заволновались: поняли ли они нашу картину? Но через мгновение — грохот аплодисментов! Успех был оглушительным. Выступил Бондарчук, следом вышла к микрофону я и заговорила на их родном языке. Я — человек с Кавказа, поэтому старалась произносить речь с куражом, юмором, как тост. Зал взорвался во второй раз, и после этого в воздухе постоянно носилось одно слово: "Зинаида" — фамилию-то мало кто запомнил.
— Заграничный мир для советского человека был, наверное, непривычным. Случались ли какие-то смешные ситуации?
— Сколько угодно! Я перед поездкой на этот фестиваль была в США с молодежной делегацией от ЦК комсомола. И в посольстве сказали, что из Нью-Йорка в Мехико я полечу вместе с Шостаковичем и Кабалевским — боялись одну отпустить. Знаешь, ведь за нами все время следили. Думали, актриса — кто знает, что у нее на уме? Мне даже говорили: "Зина, веди себя тихо и аккуратно, на тебя уже охотятся..." Словом, полетела я первым классом с великими композиторами. Мне было все внове: и обслуживание, и то, что я лечу с такими знаменитостями. Да и им, думаю, было забавно общаться с таким "экземплярком", как я. А когда мы выходили из самолета, Шостакович подставил мне локоток, и я, как королева, пошла с ним под ручку. Встреча в аэропорту была бурной — журналисты, фотографы, официальные лица, марьячи на гитарах наяривают... И все в один голос: "Мадам Шостакович! О, мадам Шостакович!" Я улыбаюсь. А что я еще могла сделать? И тут все видят, что мы садимся в разные машины и развезаемся в разные стороны. Не знаю, что они там подумали, но во всяком случае я перестала быть "мадам Шостакович".

— Какое впечатление произвела на вас встреча с Сергеем Герасимовым?
— Так как к нам присоединилась и наша группа туристов, делегация получилась мощная: писатели, композиторы, режиссеры, актеры, — поэтому в аэропорту "Орли" нас встречал Луи Арагон с Эльзой Триоле. В столице Франции мы пробыли три дня. У меня были невероятные лодочки на шпильке, поэтому я щеголяла и остановиться не могла! Ко мне приставили двух крепких ребят, и они везде меня сопровождали. Однажды я попросила их показать мне пляж Пигаль. Извиняюсь за подробности, но перед этим у меня начал нарывать большой палец на ноге. Не могла даже туфель нормально надеть. Но я решила, что Париж ждать меня не будет, поэтому кое-как натянула свою модную туфельку и пошла. Нога болит несусветно, я ребят под ручки взяла и хромаю себе. Девушки с улицы красных фонарей уже вышли на работу и с любопытством на нас поглядывают. Одна подошла: "Вам пара не нужна?" Мы отказываемся. Она сразу на меня: "Смотри, хромая, а двоим подхватила!" Домой мы возвращались в декабре. После Нью-Йорка, Парижа, Бостона, Филадельфии, Мехико — фантастический свет, красок... — наш новый Ленинский проспект показался таким мрачным и серым, что из моих глаз непроизвольно градом покатились слезы. Потом мне один врач рассказывал, как его пожилой пациент умер от разрыва сердца, когда увидел Париж.

Увидеть Париж и выжить

— Вторая курьезная ситуация произошла из-за моих нарядов. Дело в том, что уже в Мехико в нашем посольстве женщины, когда увидели мой гардероб (ни купальника, платье выходное — и то в единственном экземпляре было), решили меня приодеть. Купальник, который мне подарили, до сих пор помню: в Союзе таких вообще не было. И я в этом самом купальнике позировала фотографам с великим удовольствием! Ведь интерес к нашей картине был огромный, и я, естественно, пользовалась популярностью. Словом, первые полосы газет и журналов в этот период оккупировали мои пляжные фотографии. У меня сохранилась газета, которая вышла с заголовком: "Сегодня ночью в Мексике не осталось мужчин, который мысленно не изменил бы своей возлюбленной с Зинаидой!" Кроме того, жара стояла несусветная, и все там ходили в шортиках. Представь, что такое в то время было пройти в шортах по Москве! Не знаю, куда улепли бы!.. Одежда, которая у меня была, не особенно подходила к погоде, и я купила дешёвенькие черные шортики, белую безрукавочку, шляпку и в таком виде и разгуливала. Местные, кстати, ходили в куда более открытых вещах. Теперь история: неожиданно для

С Феллини.

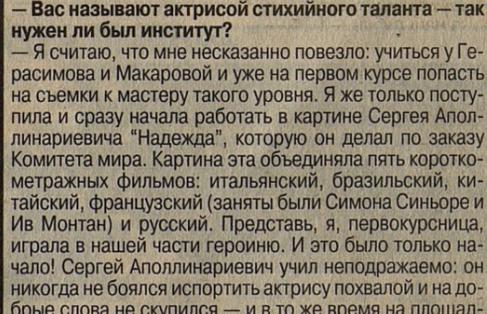
ХОНГ, РОЗА

меня приезжает наша группа туристов, а среди них Сергей Аполлинариевич Герасимов с Тамарой Федоровной Макаровой, Первенцев с женой, Симонов с женой, Юткевич с женой. Естественно, после встречи меня вызывает моя любимая Тамара Федоровна и начинает разнос: "Зина! Ну как, как ты могла так одеться?! Что это за кофточка, из-под которой пупок видно?!" Не знаю, где она его там узрела... Мне было разъяснено, что нечего равняться на иностранцев и вести себя надо, как подобает советскому человеку, — то есть о шортах надо забыть!
— Обратно летели через Париж — какое на вас произвел впечатление город?
— Так как к нам присоединилась и наша группа туристов, делегация получилась мощная: писатели, композиторы, режиссеры, актеры, — поэтому в аэропорту "Орли" нас встречал Луи Арагон с Эльзой Триоле. В столице Франции мы пробыли три дня. У меня были невероятные лодочки на шпильке, поэтому я щеголяла и остановиться не могла! Ко мне приставили двух крепких ребят, и они везде меня сопровождали. Однажды я попросила их показать мне пляж Пигаль. Извиняюсь за подробности, но перед этим у меня начал нарывать большой палец на ноге. Не могла даже туфель нормально надеть. Но я решила, что Париж ждать меня не будет, поэтому кое-как натянула свою модную туфельку и пошла. Нога болит несусветно, я ребят под ручки взяла и хромаю себе. Девушки с улицы красных фонарей уже вышли на работу и с любопытством на нас поглядывают. Одна подошла: "Вам пара не нужна?" Мы отказываемся. Она сразу на меня: "Смотри, хромая, а двоим подхватила!" Домой мы возвращались в декабре. После Нью-Йорка, Парижа, Бостона, Филадельфии, Мехико — фантастический свет, красок... — наш новый Ленинский проспект показался таким мрачным и серым, что из моих глаз непроизвольно градом покатились слезы. Потом мне один врач рассказывал, как его пожилой пациент умер от разрыва сердца, когда увидел Париж.

Ушко как пельмешка

— Вас называют актрисой стихийного таланта — так нужен ли был институт?
— Я считаю, что мне несказанно повезло: учиться у Герасимова и Макаровой и уже на первом курсе попасть на съемки к мастеру такого уровня. Я же только поступила и сразу начала работать в картине Сергея Аполлинариевича "Надежда", которую он делал по заказу Комитета мира. Картина эта объединяла пять короткометражных фильмов: итальянский, бразильский, китайский, французский (заняты были Симона Синьоре и Ив Монтан) и русский. Представь, я, первокурсница, играла в нашей части героиню. И это было только начало! Сергей Аполлинариевич учил неподражаемо: он никогда не боялся испортить актрису похвалой и на добрые слова не скупился — и в то же время на площадке спуска не давал! Поэтому школа у меня действительно блестящая.
— Все, кто учился у Герасимова, рассказывают, что в него невозможно было не влюбиться...
— Сергей Аполлинариевич для меня эталон. Я, как и все девочки, которым посчастливилось попасть к нему на курс, влюбилась сразу. Даже признание делала, которое, кстати, для меня стало уроком на всю жизнь. Произшло это на съемках "Надежды" в тогда еще Сталинграде. Я нарочно пришла пораньше на репетицию, чтобы признаться в своей любви. Говорила о своей жизни и даже рыдала, а потом сказала: "Я вас люблю, Сергей Аполлинариевич!" Герасимов спокойно выслушал все мои всхлипы, поцеловал в щеку и весело так говорит: "А у тебя ушко как пельмешка!" Я не поняла: при чем вообще пельмени какие-то, у меня же жизнь решается!

С сыновьями.

С сыновьями.

С мужем.

Только потом узнала, что Сергей Аполлинариевич — великий мастер лепить пельмени. А тогда я вслух предположила, что, наверное, ему все студентки о своей жизни рассказывают. Герасимов улыбнулся и говорит: "Так — только ты. Дочка, понимаешь, в жизни бывают всякие моменты, и иногда лучше себя сдерживать. Потом сама же себе будешь благодарна". Плюс ко всему зазвучала песня "Ой, рябина кудрявая, белые цветы...", и все это растрогало душу так, что я абсолютно неумолимо разревелась. Сергей Аполлинариевич погладил меня по голове: "Поплачь, дочка, поплачь". Стрела я безумно и только потом поняла, что такое отношение дорогого стоит. Представь, какое количество признаний Герасимову приходилось выслушивать! И, казалось бы, что ему стоило попользоваться чужой доверчивостью и забыть на следующий день. Нет, такого он себе позволить не мог. Поэтому я так и осталась любимой ученицей.

Сорока-воровка

— О картине "Сорока-воровка" много не говорили, но вашу Анету запомнили надолго...
— Мне кажется, что у Герцена ярко и точно описана не только судьба крепостной актрисы, но и женская линия жизни вообще. Мне безумно нравилась сцена, когда моя Анета подводит старика князя к зеркалу и говорит: "Посмотрите на себя, князь! Вы думаете, что я пойду к этому старому седлану? К этому смешному старику?!" Князь хочет ударить Анету, замахивается палкой и срывает с себя парик. Зеркало показывает его во всей красе. Она расхохоталась. "На свиной двор загною!" — в бешенстве орет он. Анета остается верной себе, но губит свою жизнь. Когда наша "Сорока-воровка" вышла, давно не было ни крепостных, ни князей, но картина пользовалась успехом и неизменно вызвала сострадание.
— Знаю, что в вашей жизни тоже был такой "князь"...
— Я думаю, что в жизни каждой женщины случается испытание на прочность. Судьба моей Анеты действительно коснулась и меня. Я, как все, была молода, хороша собой, умела быть заразительной. Судьба женщины, а актрисы тем более, в один момент может превратиться в ужас крошечный. По большому счету, наши заслуги ни во что не ставились, если ты не была... лояльной к начальству. А я не могла. Поэтому мое имя было занесено в список, на котором стоял жирный крест. Для меня это стало трагедией, потому что я потеряла работу в кино на долгие годы. Не скажу, что они выбили меня из профессии. Меня не так просто выгнать! Я стала работать в театре, много ездила с Росконцертом, от Бюро кинопропаганды. С одной стороны, это было связано с необходимостью зарабатывать на семью, с другой — стало возможностью заполнить вакуум, который мне организовал комитет кино. Я приходила в комитет, спрашивала: по-

чему я не снимаюсь? А один начальник киношный только смеялся: "Какие ваши годы, Зина!.." Спустя много лет я узнала, что как раз он и устроил все. Оказывается, этот начальник много лет подряд считал, что я посмеялась над его ухаживаниями. На самом деле я не посмеялась, я врать и юлить не умею. Первый, кто меня тогда отвоёвал, — это Евгений Семенович Матвеев. Он добился того, что я снялась в "Любовь земной" и "Судьбе", — без его участия меня могли бы вообще вычеркнуть навсегда. Путь в искусство — это трудный путь. И пройти его, сохранив себя, свою душу, не всем дано. Но я не жалею о своем тогдашнем решении. Каждый человек делает свой выбор.
— Вы счастливы?
— Я думаю, счастье — это когда твоя жизнь заполнена любовью, людьми, которые тебе дороги, и работой. Для обычной женщины, возможно, работа не такое важное значение имеет. У нас, актрис, главное — не исчезнуть вдруг, не пережить небытие. Я даже сейчас часто думаю о том, сколько не сыграла и сколько могла бы сделать в картинах по Чехову, Островскому... Но я благодарна Господу за то, что он мне так много дал. Благодарна зрителям, которые всегда тепло принимали и продолжают принимать меня и мои работы.

Лена Михайлина.

Р.С. Пока я сидела в гостиной у Кириенко, голова закружилась от цветочных ароматов. Букеты на столе, полу, полках... Возникает очень правдоподобное ощущение того, что сидишь в самом центре грандиозной клубы. Из чего можно сделать вывод: тему про красоту и поклонников мы выбрали правильно.